

Подворная А. В.
A. V. Podvornaya

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В КНИГЕ Ю. ЯКОВЛЕВОЙ «ДЕТИ ВОРОНА»

THE IMAGE OF TIME IN Y. YAKOVLEVA'S BOOK «CHILDREN OF THE RAVEN»

Подворная Алла Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а, корп. 2. E-mail: alla_omsk@bk.ru.

Alla V. Podvornaya – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literature and Cultural Studies, Omsk State Pedagogical University (Russia, Omsk); 644099, Omsk, 4a Partisanskaya St., building 2. E-mail: alla_omsk@bk.ru.

Аннотация. В статье рассматривается первая книга из «Ленинградских сказок» Ю. Яковлевой. Обращаясь к жанру литературной сказки, автор предпринимает попытку рассказать о времени сталинского террора. Подчёркивается, что реалистическая и сказочно-фантастическая линии повествования обладают собственной значимостью. Отмечаются мотивные переключки с повестью Л. Чуковской «Софья Петровна». Оспаривается представление о том, что сказочная ритуальность снимает ощущение катастрофизма исторических событий.

Summary. The article examines the first book from «Leningrad Tales» by Yu. Yakovleva. Turning to the genre of literary fairy tales, the author makes an attempt to talk about the time of Stalin's terror. It is emphasized that the realistic and fairy-tale-fantastic lines of the narrative have their own significance. There are motivic similarities with the story «Sofya Petrovna» by L. Chukovskaya. The idea that fairy-tale ritualism removes the feeling of catastrophism of historical events is challenged.

Ключевые слова: литературная сказка, литература для подростков, современная литература, исторические темы.

Key words: literary fairy tale, literature for teenagers, contemporary literature, historical themes.

УДК 821.161.1

Литературная сказка прошла долгий путь развития, постепенно раскрывая свои жанровые возможности. Наибольшего расцвета и многообразия этот жанр достиг в литературе XX века. Исследователи выделяют такие разновидности литературной сказки, как философская, приключенческая, социальная, романтическая, научно-фантастическая, познавательная и др. Сказка, как и любой другой жанр, развивается, взаимодействуя с теми историческими, социальными и культурными реалиями, в которых она создаётся. В начале XXI века в рамках этого жанра писатели начинают осваивать темы трагического исторического опыта: репрессий, ужасов войны, Холокоста. Приём введения сказочных элементов в реалистические произведения, связанные с исторической травмой, получает распространение в детской литературе многих стран (Д. Йолен «Дьявольская арифметика» и «Принцесса Шиповничек» и др.), в отечественной традиции он реализован в «Ленинградских сказках» Ю. Яковлевой.

«Ленинградские сказки» (2016–2021) – это общее заглавие пенталогии, написанной для подростков, которую составили следующие книги: «Дети ворона», «Краденый город», «Жуки не плачут», «Волчье небо», «Глиняные пчёлы». События в этих книгах происходят в Советском Союзе начиная с конца 30-х годов вплоть до послевоенного времени. По словам автора, эти книги «про то, каково было быть ребёнком, взрослеть в 1937–53 годах» [4].

Первая книга «Дети ворона» создаёт «мрачный сказочный образ инфраструктуры сталинских репрессий времени Большого Террора» [2, 323]. В издательской аннотации её жанр определён как роман-сказка, ряд исследователей использует другое жанровое определение – роман-

фэнтези. Сама Ю. Яковлева так объясняет выбор поэтики: «Действие книги происходит в 1938 году. Это жизнь в то время была страшной сказкой. Мне кажется чрезвычайно странным, если бы у героев книги про это время не разговаривали птицы и не выпрыгивали сардельки изо рта <...>. Какое там “правдоподобие”, когда почва уплыла из-под ног и небо упало на землю?» [4]. По замечанию Е. Асовой, Ю. Яковлева продолжает традицию, начатую «Тремя толстяками» Юрия Олеси, «Лоскутиком и облаком» Софьи Прокофьевой или «Чиполлино» Джанни Родари [2].

События книги разворачиваются в Ленинграде 1938 года. Повествование начинается реалистично и исторически конкретно. Такая локализация сказки во времени, а также сосуществование фантастических героев с советскими гражданами было характерно для советской литературной сказки (к примеру, «Старик Хоттабыч» Л. Лагина). В книге Ю. Яковлевой читатель знакомится с главным героем Шуркой, когда тот вместе с другом подкладывает под колёса проходящего поезда разную металлическую мелочь на дальних путях ленинградского вокзала. Но художественное пространство романа-сказки не ограничивается одним городом, за топикой Ленинграда встаёт пространство всего Советского Союза. Такое расширение создаётся за счёт мыслей Шурки: мальчик представляет, как рельсы разбегаются по всей огромной советской стране. Уже с первых страниц читатель узнаёт, что в этой стране есть диверсанты. Увидев на вокзале милиционера с собакой, Шурка и его друг сразу делают предположение, что тот высматривает, чтобы какой-нибудь диверсант не устроил крушение поезда.

Жизнь мальчика меняется с арестом его родителей. Сначала ночью приходят за папой. Этого Шурка не видит, поскольку спит со старшей сестрой в соседней комнате, а только слышит от соседки, что приехал чёрный воронок. На следующую ночь исчезают мама с младшим братом. В сознании ребёнка воронок превращается в чёрного ворона, что по ночам уносит детей и взрослых в своё гнездо, и Шурка решает отправиться на поиски своих родителей. Сказочный сюжет и фантастические события порождаются в книге Ю. Яковлевой буквализацией языковой метафоры: «чёрный воронок» – Чёрный Ворон. Этот приём виртуозно реализован, например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где фантастические события формируются за счёт превращения переносного значения слова в прямое. Собственно, вход в сказку произойдёт в тот момент, когда ленинградские птицы обретут способность говорить.

В «Детях ворона» сохраняются сюжетные мотивы и типы героев волшебной сказки. Уральский филолог О. Ю. Багдасарян вычленяет такие мотивы: нарушение запрета, уход героя из дома, испытание героя, встреча с волшебными помощниками. Путь, который проходит Шурка, учёный соотносит с инициационной схемой [3]. Исследователь справедливо делает вывод, что авторская сказка Яковлевой гибко подстраивает жанровую природу под выбранную цель – говорить с детьми в увлекательной форме о советском прошлом. Но, по мнению О. Ю. Багдасарян, сказочная ритуальность снимает ощущение катастрофизма исторических событий, сам жанр страшной сказки «препятствует серьёзному разговору на историческую тему» [3, 116]. Если взрослый читатель легко улавливает за сказочной метафорикой исторические события, то для детей все страшные события выглядят как сказочное наваждение [3]. С таким выводом нельзя согласиться.

В романе Ю. Яковлевой две линии повествования: реалистическая и сказочно-фантастическая – и каждая из них обладает собственной значимостью. Реалистический план позволяет сформировать у читателя правдоподобный и устрашающий образ времени. Как известно, на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года была объявлена кампания по борьбе с «предателями и изменниками Родины», определившая общественные настроения. Идея борьбы с «врагами народа» пронизывала все поры советского общества. О борьбе со шпионажем, вредительством, диверсией писали в газетах, в том числе и в «Пионерской правде», снимали фильмы. В книге Яковлевой этот мотив станет ведущим: «Таня разглядила забытый кем-то шуршащий лист. Со страницы большие буквы кричали о шпионах, вредителях, о трудовых советских победах» [9, 104]; «Об этом предупреждали в школе. Об этом писали в газетах. Об этом постоянно твердило радио. Об этом говорили дома родители. У отца на работе даже арестовали одного. Диверсант. Вредитель. Шпион. Враг народа» [9, 36].

Другая примета времени – система «прослушки» и слежки за советскими людьми – будет введена уже языком сказки: «Вдруг в стене открылись два глаза. Они уставились прямо на Шурку» [9, 144]; «Из стены вытянулся росток. Расправился, раскрылся, как лист лопуха. Это было ухо» [9, 215].

Как известно, человек, у которого арестовывали кого-то из близких, становился неблагонадежным, от него отворачивались. В «Детях ворона» Яковлева очень удачно использует метафору невидимости. Люди, у которых арестован кто-то из близких, становятся буквально невидимыми для остальных. Невидимым становится и Шурка: «На них надвинулось глазастое рыло грузовика. Конец, подумал Шурка. Он даже глаза не успел закрыть. И ясно увидел, как грузовик проходит сквозь него <...>. Я что – прозрачный?! Изумился Шурка» [9, 179]; «Потом им ещё попадались невидимки. Больше всего Шурку удивляло, что невидимки шарахаются друг от друга. Потом он понял. Случилась беда. Они изо всех сил её прятали. Притворялись обычными» [9, 202].

Ю. Яковлевой, несомненно, удаётся передать ужас этого времени. И здесь автор опирается на художественные и мемуарные «лагерные» тексты, и прежде всего на повесть Л. Чуковской «Софья Петровна» как на художественный документ, воссоздающий «спёртую и ядовитую атмосферу Ленинграда 1936-1937 годов» [6]. Как известно, повесть Л. Чуковской была написана в Ленинграде зимой 1939/1940 года «по свежему следу только что происшедших событий» [8]. Роднит оба текста ряд характерных фактических деталей, отражающий реалии времени.

В поисках родителей Шурка оказывается в тюремной очереди, сначала не понимая, что происходит. Этот эпизод во многом перекликается с описанием первого посещения Софьей Петровной тюрьмы на Шпалерной. Первое, что удивляет Софью Петровну, это то, как одеты женщины: «Она обратила внимание на большую толпу женщин посреди улицы. Одни стояли, облокотившись на парапет набережной, другие медленно прохаживались по панели и по мостовой. Софью Петровну удивило, что все они были очень тепло одеты: поверх пальто закутаны в платки, и почти все в валенках и калошах» [7, 517]. Эта же деталь поражает и Шурку: «Впереди вынырнула сгорбленная фигура в пальто и рукавицах. <...> Почему вы <...> в рукавицах ходите? – так и вертелось у него на языке» [9, 160]. В обеих книгах описана система записи в очередь к тюремному окошку: «344, – сказала женщина, записывая. – Ваш номер 344» [7, 518]. «Женщина схватила Шуркину ладонь и <...> вывела на ней крупные фиолетовые цифры – 5, 1, 8» [9, 159].

Попад впервое в тюремную очередь, Софья Петровна думает: «Подумать только, все эти женщины – матери, жёны, сёстры вредителей, террористов, шпионов!» [8, 519]. Шурка: «Да сколько же их тут! Шурке стало страшно. Они постепенно вставали друг за другом. Мамы шпионов. Сёстры шпионов. Сёстры врагов. Мамы диверсантов. Жёны вредителей. Значит, злодеи скрывали тайну даже от своих родных?» [9, 161-162].

Мальчик открывает потаённую жизнь своего родного города. Шурка узнаёт, что есть два Ленинграда: видимый (весенний, солнечный, яркий) и невидимый (незнакомый, враждебный, серый, город Ворона). Этот мотив также присутствует в повести Чуковской: «Ей казалось, что она не в Ленинграде, а в каком-то незнакомом чужом городе» [7, 519].

Но в отличие от героини Чуковской, Шурка «прозревает», освобождается от наваждения. Мальчик начинает понимать, что власть в городе принадлежит Злу – чёрному Ворону, который внушает взрослым и детям ложные мысли, из-за которых человек начинает во всех подозревать своих врагов. Эпизод прозрения Шурки изображён очень наглядно: его буквально начинает тошнить серыми зубастыми сардельками. Эти существа были его прежними мыслями. «Шурка был не виноват в этих мыслях. Эти мысли прокрадывались в тебя тайком <...>, присасывались своими ротиками к самой душе. Из-за них человек во всех вокруг подозревал врагов. Готов был считать шпионами собственных маму и папу» [9, 231]. Шурка понимает, что родителей арестовывали для того, чтобы забрать детей и вырастить из них преданных Ворону, убеждённых, что «серое и страшное царство Ворона – лучшая страна в мире» [9, 229].

Любопытно, что к подобной метафоре освобождения от идеологической пропаганды прибегает Вениамин Ерофеев в эссе «В. Розанов глазами эксцентрика». Ерофеев пишет, что именно

Библия помогла ему «изблевать» из своей души «пищу», которой кормил народ тоталитаризм и от которой его тошнило [5, 160].

Ю. Яковлева создаёт исторически достоверный образ времени Большого Террора, опираясь на художественную традицию отечественной лагерной прозы, а сочетание сказочного и реалистического планов позволяет автору балансировать между тяжёлым для восприятия материалом и необходимостью не поступиться правдивостью. «Дети ворона» знакомят юного читателя с тем, как устроен современный мир в его недавней исторической перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асова, Е. Современная литературная сказка: история и политика в детском чтении / Е. Асова, О. Бухина // Детские чтения. – 2021. – Т. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-literaturnaya-skazka-istoriya-i-politika-v-detskom-chtenii> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст электронный.
2. Асонова, Е. Табу или не табу – вот в чём вопрос! / Е. Асонова // Детские чтения. – 2020. – № 1 (17). – С. 320-333. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tabu-ili-ne-tabu-vot-v-chem-vopros> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст электронный.
3. Багдасарян, О. Ю. «Дети ворона» Ю. Яковлевой: жанровая логика vs. авторский сценарий / О. Ю. Багдасарян // Политическая лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 112-117. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti-vorona-yu-yakovlevoy-zhanrovaya-logika-vs-avtorskiy-stsenariy> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст электронный.
4. Дмитриева, А. Сталин и дети. Интервью с Ю. Яковлевой / А. Дмитриева // АНО «Портал “Такие дела”», 2023. – URL: <https://takiedela.ru/2015/11/stalin-i-deti/> (дата обращения: 30.10.2023). – Текст электронный.
5. Ерофеев, В. В. Оставьте мою душу в покое (Почти всё) / В. В. Ерофеев. – М.: Изд-во «Х.Г.С», 1997. – 408 с.
6. Нерлер, П. Фантастическая явь / П. Нерлер // Октябрь. – 1988. – № 10. – URL: <https://www.chukfamily.ru/lidia/biblio/recenzii-biblio/fantasticheskaya-yav> (дата обращения: 30.10.2023). – Текст электронный.
7. Чуковская, Л. Софья Петровна / Л. Чуковская // Трудные повести: 30-е годы / Сост. и предисл. А. И. Ванюкова. – М.: Молодая гвардия, 1992. – С. 483-560.
8. Чуковская, Л. «“Софья Петровна” – лучшая моя книга». Из дневника: Попытки напечатать повесть. Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Елены Чуковской / Л. Чуковская // Новый мир. – 2014. – № 6. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/6/8221-sofya-petrovna-8221-8212-luchshaya-moya-kniga.html (дата обращения: 23.11.2023). – Текст электронный.
9. Яковлева, Ю. Дети ворона: 1938 год. Ленинградские сказки. Книга первая / Ю. Яковлева. – М.: Самокат, 2016. – 264 с.